

«Обнуляй» и властью: основные вызовы политическому режиму после 2020 года

ДЕНИС ВОЛКОВ, АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

На встрече президента с сенаторами 23 сентября 2020 года спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко сказала: «...выбранный вектор на определенную, я, может, так сформулировала бы, здоровую государственную интровертность, ориентированность на себя, на Отечество — абсолютно верный»¹. По-своему изящная спичрайтерская заготовка неожиданно внятно обнаружила отнюдь не потаенную суть российского политического режима.

Итак: «здоровая государственная интровертность». Осторожно, раковина российской политической системы закрывается! Кремль отгораживается от внешнего мира, но и ближе к своим подданным становится только на бумаге: сравнение российской власти с бункером, появившееся на пике карантинных ограничений, так и осталось актуальным.

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ: АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ

Шесть ключевых событий — каждое по-своему — подвели черту под формированием зрелого (отнюдь не гибридного, а вполне полноценного) политического авторитаризма в России.

Внесение изменений в российскую Конституцию превратило ее из «ельцинской» в «путинскую» и отразило на бумаге традиционалистский консервативный идеологический каркас политического режима. Главным элементом новой Конституции стало «обнуление» сроков Владимира Путина и продление для него возможности — по крайней мере теоретической — править страной до 2036 года. Тем не менее голосование по поправкам показало, что власть уже

не может рассчитывать на безоговорочную поддержку общества². Для обеспечения необходимого результата теперь требуются немалые усилия и ухищрения. По сути, сторонников принятия поправок в Конституцию в российском обществе оказалось лишь немногим больше, чем противников ее изменения. Так, за месяц до голосования перевес в пользу изменения Конституции выглядел не слишком убедительно (44% против 32% в целом по стране). Однако среди намеренных голосовать он был внушительным (55% против 25%)³.

Желаемый результат был обеспечен за счет 1) успешной мобилизации сторонников и 2) практически полной демобилизации противников. Для достижения первого были использованы:

- агитация, в том числе незаконная со стороны местных властей;
- расширение срока голосования с одного дня до недели;
- снижение требований к проведению самого голосования (пресловутое «голосование на пеньках»);
- принуждение к голосованию (зафиксированные случаи);
- затруднения и дискредитация работы наблюдателей⁴.

Второе — демобилизацию противников — удалось осуществить благодаря личной убежденности протестно настроенных граждан в том, что их мнение не сможет ни на что повлиять.

Важный вклад в дезориентацию скептически настроенных избирателей внесли склоки, ревность и конкуренция внутри российской оппозиции, которая в очередной раз не смогла договориться о единой

стратегии поведения и предложить ее гражданам, настроенным против поправок. В итоге большинство противников изменения Конституции не принимали участия в голосовании.

Региональные выборы — 2020 показали, что власти собираются использовать и развивать опыт, полученный во время голосования по поправкам в Конституцию. Так, время подачи голосов было увеличено до трех дней, а в Курской и Ярославской областях использовалось электронное голосование (так же, как в Москве и Нижнем Новгороде во время голосования за поправки). Эти меры практически никак не повлияли на уровень явки, одновременно значительно ограничив возможность общественного контроля за работой избирательных комиссий. Кроме того, по оценкам специалистов «Голоса», количество наблюдателей, необходимых для контроля, должно было быть увеличено минимум в 3–4 раза (а с учетом того, что досрочное голосование сопровождается массовым голосованием вне помещений участковых избирательных комиссий, — даже больше). Три дня голосования в еще большей степени затруднили гражданский контроль за выборами: волонтеров не хватало и при прежних, более легких условиях наблюдения. Также, по мнению экспертов, выборы глав регионов показали те же тенденции, что и в предыдущие годы: почти все кампании были неконкурентными и сопровождалась административным принуждением и стимулирующей электоральной мобилизацией, наблюдались признаки фальсификаций⁵.

Выборы региональных парламентов в большинстве регионов, напротив, оказались вполне конкурентными. Однако в рамках этих избирательных кампаний были протестированы новые карманные партии: видимо, для зрелого российского авторитаризма все еще важна имитация многопартийности и выборности органов власти⁶. Политические манипуляторы боятся выпустить из-под контроля системную оппозицию, не могут точно оценить масштабы ее потен-

циальной популярности⁷ и потому размывают на всякий случай электоральное пространство новыми малоизвестными партиями-спойлерами, чтобы они оттеснили тех, кто мешает «Единой России».

Власти важно протестировать возможные варианты реконфигурации партийного поля перед парламентскими выборами — 2021 и, главное, после них. Это *технология создания «искусственного спроса»* на новые, контролируемые властью партии в условиях, когда старые партии — «приводные ремни» — остаются каналами для выпуска пара протестных настроений. Кроме того, партийные стартапы показывают, как реагирует население на новые бренды и идеологические приманки. Можно оценить, насколько эффективно, например, использование внеидеологического слова «новые» (в названии партии «Новые люди») или до какой степени привлекательна жестко идеологическая партия «За правду!», где соединяются националистическая, имперская и левая повестки.

Пандемия коронавируса стала главным фактором ухудшения и без того не слишком благостного социально-экономического положения России, прежде всего по причине падения ВВП и продолжения снижения реальных располагаемых доходов граждан. Пандемия и ее социально-экономические последствия на пике карантина весной 2020 года ускорили падение рейтингов Владимира Путина, первых лиц государства и органов власти в целом — процесс, наблюдаемый с 2018 года после объявления о планах правительства повысить пенсионный возраст.

Начало пандемии совпало по времени с очередным падением цен на нефть и обесценением рубля. Все это сильно напугало и дезориентировало людей. В марте-апреле резко снизились все оценки как текущего, так и будущего положения дел, а в крупных городах наблюдался ажиотажный спрос на товары первой необходимости: крупы, консервы, туалетную бума-

гу, дезинфицирующие средства. В мае-июне страхи подкрепились начавшимися сокращениями зарплат и рабочей недели, переводом работников в неоплачиваемые отпуска и увольнениями. И, как следствие, в апреле-июне рейтинги одобрения и доверия оказались рекордно низкими. Компенсировать это падение не смогли даже масштабные мобилизационные мероприятия военно-исторического характера, связанные прежде всего с 75-летием Дня Победы в Великой Отечественной войне.

Однако уже летом падение остановилось, а в августе-сентябре настроения начали улучшаться. Несколько фокус-групп, проведенных одним из авторов в июле-октябре в Москве и в ряде городов европейской части России, позволяют предположить, что возвращение к нормальной жизни само по себе имело благотворное и успокаивающее влияние на общественные настроения.

Кроме того, ситуацию по-разному воспринимают работники бюджетного и коммерческого секторов экономики. Сотрудники государственных предприятий, полицейские, военные и т. д. чувствуют себя увереннее тех, кто работает на частных предприятиях, или самозанятых, особенно в сфере услуг. Пандемия и карантин в первую очередь ударили по сервисному бизнесу крупных городов, в то время как бюджетная сфера если и пострадала, то не сильно⁸.

В политическом плане представляется значимым, что главными пострадавшими оказались те группы населения, которые уже были критически настроены по отношению к власти. Наоборот, ядро поддержки российского политического режима пострадало меньше и сохранило свою лояльность системе. Ко второй волне заболевания люди оказались морально в большей степени готовы, чем в начале года. Кроме того, власти не спешат объявлять слишком жесткие ограничения. А это значит, что как минимум в ближайшей перспективе дальнейшего ухудшения настроений (а значит,

и рейтингов), скорее всего, удастся избежать. Впрочем, ситуация все равно неустойчива, и прогнозировать рейтинги в средне- и долгосрочной перспективе крайне сложно.

Важнейшим событием стало *отравление Алексея Навального*. Наиболее вероятная версия произошедшего — возможная попытка российских властей (или приближенных к тому или иному этажу власти формально негосударственных игроков) обезглавить оппозицию и раз и навсегда решить проблему сколько-нибудь организационно оформленного сопротивления режиму. Так или иначе, выздоровление Навального обозначило принципиально новый период во внешней и внутренней политике России: политический вес и значение этой фигуры в представлении западного истеблишмента и медиасреды оказались настолько велики, что сам факт отравления привел к еще большему кризису в отношениях путинских элит и Запада. Впрочем, надо понимать, что на Западе отравление Навального воспринимается острее, чем в России, и оценки его политического веса в стране и за ее пределами сильно различаются. Позиция Запада не оказывает практически никакого влияния на массовые представления россиян об этом происшествии.

На отношение россиян к самой узнаваемой фигуре в оппозиции произошедшее повлияло не сильно⁹. Навальный задолго до отравления был одним из самых известных российских политиков. На протяжении последних 5–6 лет он входит в десятку политических деятелей, пользующихся наибольшим доверием россиян. Но положительное отношение к нему обеспечивают относительно свободные социальные сети и медиаресурсы — прежде всего его собственные YouTube-каналы. В то время как по-прежнему обширная аудитория телеканалов относится к Навальному преимущественно плохо.

В поведении огромных масс людей проявляются усталость и привыкание к новостям чрезвычай-

ного характера, «замыленность глаза» в восприятии вопиющих ситуаций и переходов властями всех возможных «красных линий». Например, очень слабую реакцию общества вызвало самосожжение нижегородской активистки Ирины Славиной, деморализованной постоянным давлением на нее репрессивной машины¹⁰. Массовые безразличие и конформизм превращаются в социальную норму.

У 45% респондентов Левада-Центра покушение на жизнь самого узнаваемого и бескомпромиссного оппозиционного политика «не вызвало никаких особых чувств» (а за историей с отравлением «внимательно следят» всего 18% опрошенных, 59% «что-то об этом слышали»). Эта высочайшая степень нечувствительности к экстраординарным событиям «воспитана» в числе прочего историей со сбитым малайзийским боингом и кейсом Скрипалей: на них общественное мнение реагировало равнодушно или следовало версиям российских властей.

Если угодно, можно говорить о «выученном равнодушии» — нежелании следить за плохими новостями и стремлении блокировать в себе минимальную рефлексию по поводу чрезвычайных событий: 55% не доверяют информации о том, что Навальный был намеренно отравлен; 47% затрудняются с ответом на вопрос о том, кто мог стоять за преступлением (при этом что 30% все-таки полагают, что это сделала «действующая власть», а 8% привычным образом кивают на «США, Запад, западные спецслужбы»).

Еще одно важное явление — протесты в Хабаровске, обнаружившие способность гражданского общества к мобилизации на единой гражданской платформе, очень быстро превращавшейся в политическую. Мы не склонны называть хабаровские события протестами оппозиции — это были акции именно гражданского общества, вызванные ущемлением достоинства граждан. Мы называем это явление «перманентной революцией достоинства», при которой протесты

пробуждающегося гражданского общества, далеко не всегда спровоцированные политическими триггерами, быстро приобретают политическое содержание (события в Шиесе, Екатеринбурге, Ингушетии и Москве в 2019 году; в Хабаровске и вокруг горы Куштау — в 2020-м).

Выступления в Хабаровске в очередной раз обнаружили спрос на новые лица в политике (арестованный экс-губернатор Сергей Фургал, сам того не желая, в одночасье стал общенациональной узнаваемой фигурой). Хабаровский пример — протест не столько против «зажравшейся» богатой Москвы, сколько против Кремля и бюрократии, а в отдельных проявлениях и против Путина. Такого рода протесты не организуются оппозицией из Москвы — они отражают местные проблемы и говорят о гражданской сплоченности, солидарности на местах; их социальная база не ограничивается городским образованным средним классом.

Доля сочувствующих такого рода протестам весьма высока, что отражает в целом высокую степень недовольства властью, прежде всего федеральной. В августе 2020 года 47% респондентов относились к хабаровским протестам «скорее положительно»¹¹, а 32% полагали, что «федеральная власть убирает политиков, которые пользуются широкой поддержкой людей». В то же время лишь 4% россиян верили, что власть пойдет навстречу протестующим и выпустит арестованного губернатора. Около половины опрошенных считали, что власть не согласится ни на какие уступки¹².

В этом отношении случай Хабаровска встает в один ряд с московскими протестами 2019 года, отличаясь от других региональных выступлений последнего времени. С одной стороны, Кремль идет на уступки в вопросах, не бросающих прямого вызова власти, и там, где есть возможность снизить градус общественного недовольства, демобилизовать критиков и успокоить

ситуацию без серьезного ущерба для имиджа властных структур (в Екатеринбурге и в деле Ивана Голунова в 2019 году или в Шиесе и истории с Куштау в 2020-м). С другой стороны, по принципиальным вопросам Кремль по-прежнему проявляет предельную неуступчивость и жесткость: арест Фургала, последовательное снятие оппозиционных кандидатов на выборах в Мосгордуму или на губернаторских выборах в 2019–2020 годах, уголовное преследование и лишение избирательных прав представителей оппозиции (сторонников Навального, активистов «Открытой России»). Все это также сопровождается усилением давления на гражданское общество (разорение штрафами «Мемориала», разгром газеты «Ведомости», увольнение нелояльных преподавателей Высшей школы экономики).

Протесты в Белоруссии против режима Александра Лукашенко стали еще одной крайне важной историей и для российского общественного мнения, и для управленческой элиты, явно нацеленной на дальнейшие «интеграционные» процессы. Поведение властей России, поддержавших Лукашенко, несмотря на противоречия во взглядах на «более тесную интеграцию», говорит не только о солидарности двух автократов. У Москвы, наблюдающей за противостоянием авторитарной власти Белоруссии с пробудившимся гражданским обществом, пока не нашлось своего кандидата на замену Лукашенко. К тому же в условиях, когда в стране фактически идет гражданская война, любой кремлевский «наместник» воспринимался бы белорусским гражданским обществом как оккупант.

В этой ситуации менее затратным для Кремля вариантом стала информационная, дипломатическая и политическая поддержка Лукашенко, который, утратив возможность маневрировать между Западом и Россией, просто сам идет в руки Путину. У Москвы теперь гораздо больше возможностей диктовать свои условия «батьке». Кроме того, Кремль, по-видимо-

му, был вынужден безоговорочно поддержать Лукашенко из опасений возможного распространения белорусской протестной «инфекции».

Восприятие ситуации российским общественным мнением по многим вопросам оказалось неоднородным.

Для продвинутых страт российского общества и значительной части молодых россиян белорусская бархатная революция — привлекательный образец дисциплинированного мирного протеста, достойный тиражирования в моменты противостояния с властью и бюрократией (хабаровский протест — в смысле триггеров, мотивов, вовлечения самых разных социальных групп и общего мирного характера — похож на белорусский). В этой среде считается, что засидевшемуся белорусскому лидеру пора в отставку, как и российскому, протест же воспринимается как прагматичный способ выражения недовольства.

При этом для существенной доли россиян, прежде всего для людей старшего поколения, режим Лукашенко — едва ли не образец для подражания, а сам «батька» — своего рода улучшенный Путин. Согласно нашему исследованию 2019 года, наиболее привлекательные иностранные образцы развития для россиян — Китай и Белоруссия¹³. Для этих людей белорусские протесты ассоциируются в первую очередь с угрозой порядку, хаосом и иностранным вмешательством во внутренние дела.

В целом же, при всем разнообразии позиций, российское общественное мнение демонстрирует равнодушие к белорусским событиям и нежелание разбираться в том, что происходит в соседней стране. Большинство россиян хотели бы, чтобы именно Лукашенко оставался во главе Белоруссии: лучше иметь дело со знакомым чертом, чем с незнакомым. Кроме того, мало кто в России верит, что протестующие вынудят Лукашенко уйти в отставку. Большинство хотели бы, чтобы политический кризис в соседней стране

закончился переговорами, но от власти ждут лишь частичных уступок. Треть россиян допускают развитие белорусских событий по силовому сценарию. Протестующие могут вызывать симпатию, но в их успех не верит практически никто¹⁴.

В этом общественном прогнозе снова отражается представление россиян о реалиях собственной страны, о протестах в Хабаровске и Москве: протестными акциями можно обратить внимание власти на трудности, добиться решения локальных проблем, но вопросы политического транзита забастовками не решить. И все-таки пример близких соседей заставил многих в России задуматься, насколько вероятной может оказаться реализация белорусского сценария в России в 2024 году, в период президентских выборов, если на них снова пойдет Владимир Путин (к тому времени период его фактического правления достигнет четверти века, если отсчитывать от назначения исполняющим обязанности премьер-министра в 1999 году).

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ПРОВАЛНОГО БОЛЬШИНСТВА

Ситуация для режима, при всем его кажущемся укреплении и «бронзовении», непростая. Он всегда держался на трех опорах:

- равнодушие населения;
- своего рода «социальный контракт» (мы, граждане, не вмешиваемся в ваши дела, а вы обеспечиваете нам минимальные социальные гарантии, чувство великой державы и не лезете уже в наши дела);
- аксиоматическое представление о безальтернативности Путина; раз уж все равно автократа поддерживает большинство, то — в логике пси-

хологии толпы — разумно к этому большинству присоединиться.

Но хотя «обнулением» власть еще раз и подтвердила базальтернативность Путина, так называемое «путинское», или «крымское», большинство де-факто распалось. Наблюдается принципиально новое явление: *электоральное поведение (механическое, ритуальное голосование) не совпадает с реальными настроениями — недовольством качеством государственных сервисов и социально-экономической ситуацией.*

Поддержка режима, в первую очередь электоральная, оказывается мобилизационной и ситуативной. Аморфная масса становится провластным (точнее, пропутинским) большинством *лишь в моменты необходимой мобилизации* — выборы, прежде всего федеральные; голосование за Конституцию. После пика мобилизации это искусственное большинство распадается. Показателен в этом смысле хабаровский кейс: часть людей, проголосовавших за «обнуление» Путина (в Хабаровском крае поправки, по официальным данным, поддержали 62,28% жителей)¹⁵, спустя короткое время вышли на улицы с антипутинскими лозунгами.

Неустойчивость провластного большинства — *такой же вызов режиму после «обнуления», как и формирование новой повестки у гражданского общества, берущего на себя в условиях авторитаризма роль политической оппозиции.*

Для Кремля это еще и политтехнологический вызов. Понятно, что делать со сторонниками Навального и либерально ориентированными недовольными гражданами главных мегаполисов: давить и репрессировать. Но что делать с теми, кто раньше считался социальной базой режима, а теперь выступает против него? Со схожей проблемой столкнулся Александр Лукашенко в Белоруссии, которого поначалу в тупик поставили протесты самых разных социальных слоев,

включая рабочих индустриальных предприятий — тех самых людей, которых он считал своей социально-политической опорой.

Власть пока отвечает не слишком тонкими технологиями. Обычно используется старый набор инструментов: полицейские репрессии, разорение организаций гражданского общества (штрафы «Мемориалу»), сужение пространства независимых медиа (штрафы «Новой газете»), ужесточение законодательства об иностранных агентах и правил проведения митингов, множество политически мотивированных обвинительных судебных приговоров (вопиющий случай — ужесточение приговора Юрию Дмитриеву), рост числа резонансных уголовных дел по статьям о госизмене и шпионаже, беззастенчивая антизападная пропаганда, реактивная жесткая внешняя политика.

Запустив применение старых грубых технологий, Кремль тем самым показал, что переходит в оборону и расценивает происходящее как фактическую войну с гражданским обществом. Общество расколото: власть перетягивает на свою сторону равнодушное или агрессивно конформистское большинство и уже не стесняется вести прямолинейную войну с той частью населения, которая латентно или открыто выражает недовольство и требует политической ротации на разных уровнях управленческой пирамиды.

Консервативная часть общества, в отличие от индоктринированных либералов и демократов, важна режиму еще и как потенциальный лояльный электорат, их мнение учитывается. Путин встал на сторону протестующих в Башкортостане, когда те выступили против разработки горы Куштау Башкирской содовой компанией. Президент поддержал их с этатистско-традиционалистских позиций: была неправильная приватизация, останься содовая компания в руках государства — никто не посягнул бы на общественные интересы¹⁶. Это и подхватывание повестки недовольных из консервативного лагеря (хотя, скорее

всего, далеко не все протестовавшие у горы Куштау разделяют такие взгляды), и готовность в несущественных вопросах идти на уступки, и спекуляции на теме национализации частных компаний. Последнее, судя по фокус-группам Левада-Центра, является важным пунктом будущей политической повестки для консервативно ориентированных респондентов.

ПУТИН И КОНФОРМИЗМ

Владимир Путин, прекрасно осознавая погруженность россиян в текущие социальные проблемы, делает акцент на социальной повестке. И она действительно более чем востребована. Однако раздача денег населению, детали которой президент еще раз обозначил на встрече с сенаторами 23 сентября 2020 года¹⁷, население воспринимает не как благодеяние, а как прямую обязанность государства¹⁸. И это неудивительно, учитывая, что в течение многих лет из гражданина формировали иждивенца — устройство для механического голосования за власть — в обмен на минимальную социальную поддержку со стороны государства¹⁹.

Установки большей части общества и остаются иждивенческими (патерналистскими)²⁰, консервативными и в высокой степени милитаристскими. Этот ценностный каркас, собственно, и зафиксировала «обнуленная» путинская Конституция. Важнейшая функция государства — защита от мнимых угроз, которые выдаются за реальные. Отсюда и сохраняющееся наивысшее доверие к трем институтам: армии, президенту, ФСБ и другим спецслужбам (именно в такой последовательности)²¹. Институты демократии, которые годами дискредитировались и профанировались: парламент, политические партии, СМИ — находятся в нижней части рейтинга институционального доверия.

Консерватизм большинства проявляется по-разному. Например, несмотря на снижение или по край-

ней мере стабилизацию присутствия в России трудовых мигрантов и становящийся все более очевидным дефицит рабочей силы, растет число россиян, полагающих, что поток трудовой миграции в Россию следует ограничивать (с 2017-го по 2020 год с 58 до 73%)²². Устойчиво популярным остается лозунг «Россия для русских». В большей или меньшей степени его поддерживают суммарно 51% респондентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская власть по-прежнему в состоянии удерживать политическую ситуацию в неустойчивом равновесии. Но для того чтобы хотя бы стоять на месте, приходится бежать в два раза быстрее — придумывать поводы для политической мобилизации, идти на расширение социальных расходов, находить новые источники доходов.

Нельзя сказать, что «обнуление» сроков ознаменовало собой появление новой версии авторитарного режима. Но очевидно, что авторитаризм стал более жестким в практическом измерении и более беззастенчивым в риторическом и пропагандистском. После отравления Навального во власти уже не стесняются ничего. А это означает дальнейшее ухудшение отношений с Западом и усиление рисков более масштабных политических репрессий внутри страны. К любым попыткам даже минимальной модернизации эта система уже органически, в силу своего устройства и зрелой фазы развития не способна. Нет и механизмов — институциональных или ситуативных — заговора элит против Путина. Впрочем, «бронзовение» путинского режима идет параллельно со все более очевидным пробуждением гражданского сознания, что с неизбежностью порождает возможность все более частых и непримиримых конфликтов государства и гражданского общества. До президентских выборов, которые снова будут похожи

на очередной референдум о доверии лично Путину, осталось три с половиной года. За это время может произойти множество событий, способных нарушить сложившееся «плохое» равновесие. Вопреки расхожему мнению мы не считаем, что проблема 2024 года окончательно решена после внесения ясности в вопрос, состоится ли ротация высшего руководителя. Скорее, проблема поставлена заново: готово ли общество мириться с этой ясностью или отсутствие ротации власти станет за ближайшие четыре года нетерпимым? В массовом сознании есть признаки и того и другого. Любое неожиданное событие, характер которого никто не способен предугадать, может или укрепить «плохое» равновесие, или разрушить его. Разрушить, например, по хорошо известному в стране сценарию, описанному в 1917 году: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три»²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Встреча с сенаторами Российской Федерации. — Президент России. — 23 сентября 2020 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/64076>.
- 2 См.: *Волков Д.* Карантин и конституция. Как пандемия изменила отношение общества к поправкам. — Московский Центр Карнеги. — 15 июня 2020 года // <https://carnegie.ru/commentary/82065>.
- 3 См.: Общероссийское голосование по поправкам в Конституцию. — Левада-Центр. — 2 июня 2020 года // <https://www.levada.ru/2020/06/02/obshherossijskoe-golosovanie-po-popravkam-v-konstitutsiyu-3>.
- 4 См.: Предварительное заявление по итогам общественного наблюдения за ходом общероссийского голосования по изменению Конституции. — Голос. — 2 июля 2020 года // <https://www.golosinfo.org/articles/144477>.
- 5 См.: Итоги общественного наблюдения за выборами в единый день голосования 13 сентября 2020 года. — Голос. — 15 октября 2020 года // <https://www.golosinfo.org/articles/144816>.
- 6 См.: *Веретенникова К.* Совет про любовь. Эксперты объяснили новым партиям, как привлечь симпатии избирателей // Коммерсант. — 27 августа 2020 года. — № 154. — С. 3 // <https://www.kommersant.ru/doc/4467810>.
- 7 См.: *Кынев А.* Управление конкуренцией-2020. Политическая конкуренция, итоги выдвижения и регистрации на региональных и местных выборах 13 сентября 2020 года. — Фонд «Либеральная Миссия». — 24 августа 2020 года // <http://liberal.ru/reports/7650>.
- 8 См.: Наталья Зубаревич: «Этот кризис — не про регионы, этот кризис — про крупные города». — КоронаФОМ. — 13 апреля 2020 года; беседовали Л. Лебедева, Р. Садыков // <https://covid19.fom.ru/post/natalya-zubarevich-etot-krizis-ne-pro-regiony-etot-krizis-pro-krupnye-goroda>.
- 9 См.: *Волков Д.* Жизнь после «Новичка»: как россияне стали относиться к Навальному после отравления // Forbes. — 2 октября 2020 года // <https://www.forbes.ru/obshchestvo/410295-zhizn-posle-novichka-kak-rossiyane-stali-otnositsya-k-navalnomu-posle-otravleniya>.
Все сообщения о якобы сильно выросшей популярности Навального (см., напр.: *Филипенко А.* Социологи узнали, кому стали доверять россияне после отмены карантина / РБК. — 24 октября 2020 года // <https://www.rbc.ru/politics/24/10/2020/5f92b9aa9a79474ff42e3c44>) основываются на рейтингах, полученных в результате непрозрачных манипуляций с данными опросов и не могут быть сопоставимы с регулярными репрезентативными опросами крупных социологических компаний.
- 10 *Сафонова К.* Нижегородская журналистка Ирина Славина подожгла себя возле здания МВД и погибла // Meduza. — 2 октября 2020 года // <https://meduza.io/feature/2020/10/02/nizhegorodskaya-zhurnalistka-irina-slavina-podozhgla-sebya-vozle-zdaniya-mvd-i-pogibla>.
- 11 В ноябре эта доля снизилась до 43%, в восприятии респондентов безрезультатные протесты стали чем-то рутинным (см.: Протесты в Хабаровском крае и Беларуси. — Левада-Центр. — 5 ноября 2020 года // <https://www.levada.ru/2020/11/05/protesty-v-habarovskom-krae-i-belarusi>).
- 12 См.: Протесты в Башкирии и Хабаровском крае. — Левада-Центр. — 1 сентября 2020 года // <https://www.levada.ru/2020/09/01/protesty-v-bashkirii-i-v-habarovskom-krae>.
- 13 См.: *Колесников А., Волков Д.* Мы ждем перемен — 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения. — Московский Центр Карнеги. — 6 ноября 2019 года // <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273>.
- 14 См.: *Волков Д.* Белорусское зеркало: почему события в Минске вызвали острую реакцию в России // Forbes. — 7 сентября 2020 года // <https://www.forbes.ru/obshchestvo/408391-belorusskoe-zerkalo-pochemu-sobytiya-v-minske-vyzvali-ostroyu-reakciyu-v-rossii>.
- 15 См.: В Хабаровском крае более 44% жителей участвовали в голосовании / РИА Новости. — 2 июля 2020 года // <https://ria.ru/20200702/1573764880.html>.
- 16 См.: Путин потребовал разобраться в ситуации с Башкирской содовой компанией / РИА Новости. — 26 августа 2020 года // <https://ria.ru/20200826/kushtau-1576343771.html>.

- 17 См.: Встреча с сенаторами Российской Федерации. — Президент России. — 23 сентября 2020 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/64076>.
- 18 См.: Граждане и государство. — Левада-Центр. — 22 января 2019 года // <https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3>.
- 19 См.: Колесников А., Волков Д. Новая русская мечта: частная собственность для детей. — Московский Центр Карнеги. — 20 ноября 2018 года // <https://carnegie.ru/2018/11/20/ru-pub-77744>.
- 20 Социальный экономист Татьяна Малева отмечает: «Во всем мире известно, что с социальной точки зрения высокие пособия по безработице — это хорошо, но с трудовой и экономической точки зрения возникает опасность „социальной ловушки“: падают стимулы к выходу на рынок труда. Если сейчас безработному мы будем гарантировать прожиточный минимум, то в некоторых регионах работники, которые получают зарплату всего в 15 тыс., решат, что пособие получать выгоднее, чем каждый день ходить на работу» (см.: Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. — М.: Дело, 2020. С. 664 // <https://www.ranepa.ru/pdf/images/News/2020-10/COVID.pdf>).
- 21 См.: Гудков Л. Доверие институтам. — Левада-Центр. — 21 сентября 2020 года // <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam>.
- 22 См.: Ксенофобия и национализм. — Левада-Центр. — 23 сентября 2020 года // <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2>.
- 23 Розанов В. В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. С. 393.

ОБ АВТОРАХ

Денис Волков — заместитель директора Левада-Центра.

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги.

Настоящее исследование осуществлено при поддержке Посольства Финляндии в Москве.

© Фонд Карнеги за Международный Мир, 2020

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организации не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.